

И. Сазонович

**Песни о девушке-воине и
былины о Ставре Годиновиче**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И. Сазонович**
Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче / И. Сазонович – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 181 с.

ISBN 978-5-4241-3585-9

Исследование по истории развития славяно-русского эпоса И. Сазоновича.

ISBN 978-5-4241-3585-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Огромное накопленіе матеріаловъ по безыскусственному творчеству всѣхъ европейскихъ народовъ побудило, наконецъ, ученыхъ приняться за систематизацію его и приведеніе къ общимъ формуламъ продуктовъ прихотливой фантазіи народной, часто прибѣгавшей къ случайному спѣвленію первичныхъ фабулъ въ устной передачѣ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и отъ народа къ народу.

Большіе успѣхи, сдѣланные европейской и русской наукой по ознакомленію съ содержаніемъ средневѣковой литературы, отыскиваютъ новые источники для многихъ такъ называемыхъ народныхъ произведеній, возникшихъ путемъ передачи литературныхъ сюжетовъ въ народную массу. Нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть тѣхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ прежніе изслѣдователи видѣли пріятленіе народной индивидуальности, окажется ничѣмъ инымъ, какъ принаровленіемъ къ мѣстнымъ понятіямъ заимствованнаго то литературнымъ, то устнымъ путемъ чужаго сюжета.

Однако, какъ бы ни были широки размѣры международнаго литературнаго общенія, все таки остается еще многое на долю самостоятельнаго народнаго творчества, отразившаго въ себѣ самобытный складъ психики того народа, который его проявилъ.

Только при посредствѣ такого индивидуальнаго различія въ складѣ понятій и воззрѣній каждаго народа можно удовлетворительно объяснить тѣ особенности, какія наблюдаются въ поэтическихъ произведеніяхъ одинаковаго содер-

жанія, но принадлежащихъ разнымъ народамъ. Такъ эпическія поэмы — пѣснь о Нибелунгахъ, пѣснь о Роландѣ, поэма о Дигенѣ Акритѣ и Слово о Полку Игоревѣ — настолько разнятся между собою, насколько различны народности, ихъ создавшія, хотя всѣ эти литературные памятники возникли приблизительно при той же степени культурнаго развитія каждой среды и вызваны были, пожалуй, одинаковыми внѣшними условіями.

Тоже самое слѣдуетъ имѣть въ виду и по отношенію къ чисто народнымъ памятникамъ. Нѣтъ народа безъ поэзіи, какъ нѣтъ народа безъ языка. Внѣшнія условія существованія накладываютъ рѣзкую печать на народное творчество, но очень часто они оказываются весьма сходными у разныхъ народовъ; отсюда происходитъ то поразительное совпаденіе, какое часто наблюдается у весьма отдаленныхъ племенныхъ группъ.

Съ другой стороны, единство источниковъ культуры опредѣляетъ собою однообразіе въ складѣ жизни и понятійхъ, по крайней мѣрѣ, европейскихъ народовъ. Этого обстоятельства нельзя терять изъ виду при анализѣ безыскусственной поэзіи, но также и увлекаться имъ черезъ мѣру не слѣдуетъ: народная жизнь складывается изъ взаимодѣйствія внутреннихъ и внѣшнихъ двигателей.

Поэтому мнѣ кажутся основательными усилія тѣхъ ученыхъ, которые въ устныхъ народныхъ произведеніяхъ искали и отыскиваютъ выраженіе народной индивидуальности. Но также вполне законны стремленія и тѣхъ, которые, обнимая широкій кругозоръ литературныхъ явленій, пытались и пытаются указать совпаденія словесныхъ памятниковъ, принадлежащихъ разнымъ періодамъ и разнымъ народамъ.

Истина, какъ всегда, посрединѣ. Не увлекаться ни въ ту, ни въ другую сторону было моимъ желаніемъ. Выбравъ послѣ долгаго блужданія въ необъятномъ морѣ народнаго слова сюжетъ, показавшійся мнѣ доступнымъ для точнаго изслѣдованія, я принялся за трудъ, имѣя въ ви-

ду не только возстановить послѣдовательную исторію его развитія, но также затронуть нѣкоторые общіе вопросы, касающіеся сущности безыскусственной поэзіи.

Задача оказалась вовсе нелегкой. Пришлось прослѣдить сюжетъ у всѣхъ европейскихъ народовъ, для чего понадобилось изучить мѣстные языки, усвоить точку зрѣнія научной разработки народной словесности и познакомиться съ содержаніемъ ея у германскихъ, романскихъ и славянскихъ народовъ.

Сопоставляя и анализируя собранные варианты, я не могъ игнорировать бытовыхъ явленій. Единственно они могли указать первичную почву, отъ которой пошло развитіе сюжета и дать возможность связать словесныя произведенія съ жизнью.

При изученіи сюжета, мнѣ казалось недостаточнымъ отмѣтить лишь совпаденія: по мѣрѣ силъ я стремился опредѣлить тотъ путь, какимъ шло пѣсенное произведеніе, передаваясь отъ народа къ народу. Мнѣ думается, что, разрабатывая народную поэзію по мотивамъ, стуживая вопросъ изслѣдованія и соотвѣтственно проводя анализъ въ глубь, можно придти къ болѣе или менѣе твердымъ частнымъ обобщеніямъ, а затѣмъ уже и къ широкимъ законамъ.

Насколько мнѣ удалось осуществить свой планъ и оправдать свою точку зрѣнія, предоставляю судить научной критикѣ. Самому же мнѣ остается утѣшать себя надеждой, что

Citius emergit veritas ex errore quam ex confusione.

Закончивъ свой трудъ и осматриваясь на тяжелый и долгій путь научной подготовки, я не могу безъ особой сердечной признательности помянуть имена тѣхъ гг. профессоровъ, которымъ всецѣло обязанъ своимъ научнымъ развитіемъ:

Искреннее спасибо Ор. О. Миллеру, М. И. Сухомлинову, В. И. Ламанскому, А. Н. Веселовскому и В. Ягичу.

Кромѣ того считаю себя обязаннымъ поблагодарить за содѣйствіе проф. Лейпцигскаго Университета А. Лески-

на и д-ра Вольнера, кustosа Чешскаго Национальнаго Музея А. О. Патеру и почтеннаго и многозаслуженнаго И. Букулевича-Савчинскаго, бывшаго Великаго Жулана хорватскаго, за его любезное предоставленіе въ мое распоряженіе своей богатой библіотеки. Не могу забыть также того вниманія со стороны Преосвященнаго Анатолія, Епископа Подольскаго и Балтскаго, благодаря которому мои занятія въ Афинахъ были особенно плодотворны.

ПѢСНИ
О ДѢВУШКѢ ВОИНѢ
И БЫЛИНЫ
О СТАВРѢ ГОДИНОВИЧѢ.

I.

Литература вопроса.

Пѣсни о дѣвѣшкѣ воинѣ въ первый разъ обратили на себя вниманіе итальянскаго изслѣдователя, Константина Нигры. Онъ первый замѣтилъ слѣды этихъ пѣсенъ на всемъ пространствѣ южной Европы, отъ Португаліи до Россіи включительно. Издавая нѣсколько добытыхъ имъ вариантовъ, онъ снабдилъ ихъ краткимъ введеніемъ, въ которомъ, обобщая свои наблюденія, старается установить между пѣснями генетическую связь. Сущность его выводовъ заключается въ слѣдующихъ строкахъ ¹⁾.

„Trovai tracce di questo canto in Italia, Spagna, Portogallo, Serbia, Russia e Grecia. Quali di questi paesi può rivendicarne la creazione? Qualunque ne sia l'origine, io penso che non altramente che dalla Provenza venne trasmesso alle due penisole italica ed iberica, passando poi colle prime crociate in Grecia e ne' paesi slavi. La redazione primitiva sarebbe quindi, secondo quest' ipotesi, anteriore alla fine del duodecimo secolo; la quale antichità è d'altronde pienamente confermata dall' indole cavalleresca dell' intiera composizione“. Итакъ, найдя слѣды тойже пѣсни въ Италіи, Испаніи, Португаліи, Сербіи, Россіи и Греціи, Конст. Нигра предположилъ, что первоначальной родиной ея былъ югъ Франціи, Провансъ. Отсюда она перешла на Пиренейскій и Аппенинскій полуостровъ, за тѣмъ съ первыми крестовыми походами перс-

¹⁾ Canzoni popolari del Piemonte, raccolte da Constantino Nigra. Estratto dalla Rivista Contemporanea. XI. 1858. Torino. Fasc. III. p. 90. „Guerriera“. Отдѣльный оттискъ изъ Rivista въ Вѣнской библиотекѣ.

дана была въ Грецію и Славянскія земли. На чемъ основано такое предположеніе Нигры, трудно сказать? Во всякомъ случаѣ оно не вытекаетъ изъ анализа собранныхъ имъ вариантовъ. Построивъ первую гипотезу, будто бы пѣсня изъ Прованса занесена на востокъ, авторъ согласно ей считаетъ конецъ XII ст. временемъ возникновенія первичной редакціи и доказательство такой древности усматриваетъ въ романтическомъ характерѣ всей композиціи ея.

Интересно отмѣтить, что какой то собиратель народныхъ пѣсень, Доменикъ Буффа (Domenico Buffa), снабдилъ попавшійся ему отрывокъ интересующей насъ пѣсни слѣдующимъ примѣчаніемъ: „La seguente canzone rassomiglia non poco ad una illirica. Ma più lunga è l'illirica e in molte parti diversa, e più bella assai. E tanta la rassomiglianza tra la nostra e la canzone illirica, che non può credersi casuale, e quella anzi è visibilmente nata da questa“. Нигра пользовался рукописнымъ сборникомъ Буффы, но не принялъ его мнѣнія, будто бы итальянская пѣсня произошла отъ сербской. Напротивъ того, онъ отстаиваетъ свое мнѣніе, что пѣсня возникла въ романской землѣ. „Io pero non dubito“, говоритъ онъ, „che se egli (Buffa) avesse avuto sotto gli occhi le lezioni complete di Piemonte e di Portogallo, e ne avesse fatto soggetto di comparazione colla lezione serba, certo più lungae più artificiosa, me per ciò appunto meno popolare, non sarebbe stato lontano dal convenire con me“... Въ этомъ мѣстѣ Нигра сослался на извѣстный принципъ, которымъ пользуются ученые при разборѣ народныхъ пѣсень: чѣмъ короче народная пѣсня, тѣмъ смѣлѣе можно заключать объ ея древности.

Вотъ это всѣ результаты, къ которымъ пришелъ Нигра въ своемъ разборѣ собранныхъ имъ вариантовъ. Изъ такихъ пѣсень у него было двѣнадцать итальянскихъ и весьма незначительное количество чужезарныхъ, и при томъ по большей части мало интересныхъ отрывковъ. При такомъ матеріалѣ нѣтъ возможности установить какой либо твердый выводъ. Однако весьма замѣчательно, что при подавляющемъ количествѣ итальянскихъ пѣсень Нигра высказался за чужеземное происхожденіе оригинала. Къ разбору его теоріи мы еще возвратимся послѣ, а теперь посмотримъ, какъ совершалось накопленіе матеріала для сравненія вариантовъ этихъ пѣсень и что сдѣлано по установленію ихъ генетической зависимости.

Португальскій вариантъ, извѣстный Нигрѣ, заимствованъ имъ изъ превосходной работы Фердинанда Вольфа „*Proben portugiesischer und catalonischer Volksromanzten*“ ¹⁾. Собранныя здѣсь

¹⁾ Sitzungsberichte K. A. XX, 1. 1856. Wien.

пѣсни снабжены подробнымъ литературно-историческимъ введеніемъ, характеризующимъ народную поэзію въ Португаліи и Каталоніи.

Бъ пѣснѣ, напечатанной у Ф. Вольфа, сдѣлать свои примѣчанія пользующійся въ наше время славой первостепеннаго знатока народной поэзіи Рейнгольдъ Келеръ ¹⁾. Онъ указалъ на двѣ параллели: на славянскую пѣсню изъ Краины, переведенную у Анастасія Грюна ²⁾ и на валахскую сказку у Шотта ³⁾. Въ томъ же самомъ номерѣ того же журнала самъ Ф. Вольфъ обратилъ вниманіе на трудъ Нигры и на восточный вариантъ, переведенный Станисл. Жюльеномъ съ китайскаго языка. Нѣсколько лѣтъ спустя Беллерманъ опубликовалъ ⁴⁾ вариантъ испанско-португальскій, и въ томъ же году Адольфъ Вольфъ напечаталъ собранія Георгомъ Видтеромъ пѣсни изъ Венеціанской области ⁵⁾. Одна изъ нихъ принадлежитъ къ числу разбираемыхъ пѣсень и записана отъ крестьянокъ изъ Кастаньеро (Castagnero). О народѣ, населяющемъ этотъ край, издатель, бывшій профессоромъ австрійской исторіи, говоритъ слѣдующее: „Nur wer hier mit dem Volke und in dem Volke gelebt hat, wird seine Eigenart erkenne. Es rollt in seinen Adern viel deutsches Blut. In den Dörfern an den Tiroler Bergen findet man blondköpfige, blauäugige Jungen wie an der Donau und am Rhein. Die Namen Almerich, Brunhild, Gotthard, Wittekind werden noch in die Taufbücher eingetragen. Bis in's XVI Jahrhundert waren hier deutsche Pfarrer, deutsche Richter aus Meissen, Schlesien und Wien zu treffen. In Sleit (Schio), in Arzing (Arzignano), in den Vallia, welche nach Belluno und Feltre hereinleiten, waren Edelleute deutschen Namens und deutschen Stammes ansässig“. При изученіи странствующихъ мотивовъ народной поэзіи весьма важно знать, гдѣ происходило смѣшеніе расъ, сильно способствовавшее устной передачѣ разныхъ преданій отъ одного народа къ другому. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что сѣверъ Италіи, кажется, и послужилъ этапнымъ путемъ для нашей пѣсни. Въ примѣчаніи къ венеціанской пѣснѣ А. Вольфъ указалъ на двѣ сходяны новогреческіи въ сборникѣ Кинда ⁶⁾.

¹⁾ Jahrbuch f. Romanische u. Englische Litt. III. 1861.

²⁾ Anastasius Grün, Lieder aus der Fremde, 76. Hannover 1857.

³⁾ Schott, Walachische Märchen, стр. 175. 1845.

⁴⁾ Bellermann, Portugiesische Volkslieder u. Romanzen, N 9, стр. 64—74. Leipzig 1864.

⁵⁾ Volkslieder aus Venetien. Sitzungsberichte K. A. (257—381.) 1864. W.

⁶⁾ Th. Kind: а) Μυημύσωνον. Neugriechische Volkslieder. 1849. б) Antologie neugriechischer Volkslieder. 1861.

Профессоръ Ор. Ѳ. Миллеръ отмѣтилъ нѣсколько славянскихъ пѣсенъ, сходныхъ съ былинами о Ставрѣ Годиновицѣ ¹⁾. Одна черноторская, одна сербская и двѣ болгар. пѣсни въ первый разъ здѣсь привлечены къ сравненію, между тѣмъ какъ сказками нѣмцами изъ сборника Я. Гримма ²⁾, новогреческими и албанскими изъ сборника Гана ³⁾, пѣснями алтайскихъ Татаръ изъ сборника Радлова ⁴⁾ пользовался уже г. Стасовъ ⁵⁾. Указавъ еще на нѣсколько подходящихъ мотивовъ восточной поэзіи, г. Стасовъ очень смѣло построилъ свою теорію происхожденія былинъ русскихъ съ востока; проф. Ор. Ѳ. Миллеръ, напротивъ того, съ большою осторожностью остановился лишь на различіи отдѣльныхъ пересказовъ и съ полною основательностью не рѣшился установить генетической связи этого крайне сложнаго матеріала. Съ мнѣніями обоихъ ученыхъ мы будемъ еще имѣть дѣло нѣсколько ниже.

Самый богатый сравнительный матеріалъ для изученія нашего мотива представленъ былъ въ превосходномъ сборникѣ гг. Антоновича и Драгоманова ⁶⁾. Ученые объяснители этихъ пѣсенъ сдѣлали большой шагъ впередъ, указавъ на сходные мотивы малорусскіе, бѣлорусскіе, моравскіе, чешскіе и одинъ латышскій ⁷⁾; но для разъясненія внутренней зависимости собранныхъ вариантовъ ими не привнесено ничего новаго. Одно лишь замѣчаніе, по нашему мнѣнію, крайне мѣтко и интересно: образъ „поляницы женщины великой“, встрѣчаемый въ великорусскихъ былинахъ, кажется имъ стоящимъ совершенно особнякомъ; онъ не подходитъ подъ тотъ культурный періодъ, когда сложились пѣсни о дѣвухѣхъ воинѣхъ, хотя, несомнѣнно, образъ последней оказалъ свое воздѣйствіе на характеръ композиціи былинъ о Ставрѣ Годиновицѣ.

Въ этой, какъ бы случайно высказанной мысли, мы усматриваемъ глубокое пониманіе сущности народной традиціи со стороны издателей и объяснителей южно-русскихъ пѣсенъ.

На сколько намъ извѣстно, это все, что сдѣлано въ европейской литературѣ по изученію странствующаго мотива о „дѣвухѣхъ

¹⁾ Илья Муромецъ и богат. кiev. СПб. 1869. Стр. 635—646.

²⁾ Grimm, Kinder u. Hausmärchen. 1850.

³⁾ Hahn, Griechische und albanesische Märchen. 1864.

⁴⁾ Radloff, Proben der Volksliteratur der Türkischen Stämme Süd-Siberiens (I, II. 12—23).

⁵⁾ Стасовъ, О происхожденіи русскихъ былинъ. В. Евр. (638—696) II. 1869.

⁶⁾ Историческія пѣсни малорусскаго народа. Т. I. Стр. 314—327. Кіевъ 1874.

⁷⁾ Ив. Спрогисъ, Памятники латышскаго народнаго творчества, стр. 273. Вильна 1868.

воинѣ“, если не считать разбросанныхъ по отдѣльнымъ изданіямъ пѣсеннаго творчества указаній на параллельныя произведенія ¹⁾).

Матеріалъ, извѣстный прежнимъ изслѣдователямъ, намъ удалось пополнить довольно значительнымъ количествомъ новыхъ вариантовъ, заимствованныхъ частью изъ старыхъ изданій, частью же изъ позже появившихся сборниковъ народной поэзіи. Накопленіе элементовъ для сравненія въ настоящее время такъ велико, что намъ кажется возможнымъ сдѣлать попытку внутренняго анализа литературной традиціи, создавшей почти у всѣхъ народовъ Европы и отчасти Азіи цѣлый рядъ словесныхъ произведеній, болѣе или менѣе связанныхъ съ культурнымъ строеніемъ каждаго народа въ отдѣльности. Преимущественное вниманіе мы обратимъ на произведенія европейскихъ народовъ и укажемъ лишь на извѣстныя намъ отголоски въ литературахъ восточныхъ. Изучая пѣсенный мотивъ, мы съ особенною старательностью будемъ присматриваться къ той бытовой основѣ, на которой возникъ тотъ или другой поэтический образъ; будемъ слѣдить за тѣми измѣненіями, какія происходили въ композиціи несомнѣнно перенесеннаго произведенія подъ вліяніемъ чуждой обстановки. Такимъ образомъ можно будетъ отдѣлить въ содержаніи каждой пѣсенной группы съ одной стороны черты, свойственныя извѣстной мѣстности и съ другой — элементы, болѣе устойчивые, передаваемые вмѣстѣ съ литературной традиціей отъ одного народа къ другому. Такія два теченія въ устной словесности всѣхъ народовъ несомнѣнно существуютъ — мѣстное и чужеземное. Въ своей работѣ мы будемъ стараться удерживать равновѣсіе между этими двумя противоположными направленіями, не упуская изъ виду указаній бытовыхъ, историческихъ и литературныхъ.

¹⁾ Jérôme Bujeaud, *Chants et chansons populaires de provinces de l'Ouest*. 1866: I. (290—292); II. (84—90). Puymaigre, *Chants populaires recueillis dans le pays Messin*. 1865 (20—26).

II.

Женщина-воинъ.

Группа пѣсенъ сербско-болгарскихъ и ново-греческихъ.

Пѣсни и сказки, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является *воинственная женщина*, началомъ своимъ коренятся въ отдаленной старинѣ, въ томъ періодѣ культурной жизни, когда дѣйствительность, подавшая поводъ къ составленію такой пѣсни или разсказа, стала уже замѣняться другимъ строемъ жизни вслѣдствіе возобладанія иныхъ принциповъ, иныхъ общественныхъ отношеній.

Явленія жизни, сперва не привлекавшія къ себѣ общественнаго вниманія въ силу своей обычности, теперь становятся замѣтными; повторяясь все рѣже и одиночнѣе, они останавливаютъ на себѣ мысль людей, привыкшихъ уже къ другому порядку вещей; они глубже поражаютъ воображеніе и даютъ превосходный матеріалъ для пѣсни или разсказа.

Пѣсня, при началѣ своего возникновенія несложная по содержанию, простая по замыслу, могла явиться у разныхъ народовъ одновременно при одинаковыхъ бытовыхъ условіяхъ, соответствуя, или даже совпадая одна съ другой своей основой, своимъ содержаніемъ, разнясь только подробностями. Сказка чередуется съ пѣсней въ дальнѣйшемъ ея развитіи и часто одна питаетъ другую.

При поступательной, словесной или литературной, искусственной или безыскусственной обработкѣ основнаго мотива появляется различіе въ развитіи типа или сюжета, затемняемаго очень часто сплетеніемъ разныхъ фабулъ, заимствованныхъ нерѣдко путемъ литературнаго общенія народовъ, которое надо допустить даже для самыхъ отдаленныхъ періодовъ международныхъ сношеній.

Разсматривая собранный матеріалъ и разлагая его по содержанию на отдѣльные мотивы, мы принимаемъ за основу разсказа, за ядро каждой пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ самый фактъ, что *дѣвушка идетъ на войну*. Это бытовое явленіе послужитъ для насъ